

КОДЕКС СЕРОЙ ЗОНЫ

◆ КЛАЙ ТАБЕР ◆

Клай Табер

Кодекс серой зоны

«Автор»

2026

Табер К.

Кодекс серой зоны / К. Табер — «Автор», 2026

В Серой Зоне космоса, где границы между фракциями размыты, а мораль имеет рыночную цену, капитан Ясон Корвин пытается просто выжить. Он — сын легендарного пирата, наследник громкой фамилии и заложник собственной психики, раздираемой маниакально-депрессивными фазами. Его корабль «Сварливая Вдова» управляется саркастичным ИИ, а экипаж состоит из навигатора-подростка, инженера-параноика и огромного абордажника, который вяжет шарфы в перерывах между схватками. Очередное «плевое дело» по захвату навигационных карт оборачивается странной легкостью. На борту обнаруживают зашифрованный сигнал, передающий данные врагу, а в тених Цитадели «Карга» начинают шептаться о том, что гибель отца Ясона была вовсе не случайностью. Чтобы сохранить команду и не стать «пустым», Ясону придется разобраться в сложном Кодексе, где главное правило гласит: если тебе кажется, что всё идет по плану — значит, ты просто не заметил ловушку.

© Табер К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ПОМЕХИ В ЭФИРЕ	5
ГЛАВА 2. ДОМ, МИЛЫЙ ДОМ	14
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Клай Табер

Кодекс серой зоны

ГЛАВА 1. ПОМЕХИ В ЭФИРЕ

Приёмник на приборной панели «Сварливой Вдовы» ожил первым — зашипел, хрюкнул и выплюнул в тесный мостик обрывок галактического радио.

— ...повторяем: Доминион Веги выступил с официальным заявлением по инциденту в системе Прайм-четыре. Представитель Инквизиции назвал действия Лиги «нарушением пятнадцати статей Конкордата» и пообещал...

Ясон Корвин перегнулся через подлокотник командирского кресла и убрал громкость до едва слышного бормотания. Диктор ещё бубнил что-то про санкции и красные линии, но мостику было плевать. Мостик пах перегретой смазкой и кофе, который Тэлла заварила час назад и забыла выпить. Кофе остыл до состояния моторного масла.

— Ещё раз, — сказал Ясон. — Медленно, как для Бруно.

— Я слышал, — донеслось из переговорника. Голос у Бруно был обиженный, но не слишком. Переговорник висел у него на поясе где-то в абордажном отсеке, и сквозь помехи пробивался металлический лязг — Шкаф проверял крепления десантных костюмов.

— Ты слышал комплимент, — отозвался Ясон. — Повторяю план.

Тэлла Вон стояла у тактического стола, скрестив руки на груди. Рыжие волосы ёжиком торпорзились надо лбом — она сама стригла их раз в две недели машинкой, которую Жмых позаимствовал из ветеринарного набора. На голографической проекции перед ней висела станция — трёхмерная схема, собранная Матильдой из обрывков навигационных данных и пары анонимных сводок. Станция называлась «Кассия-Двенадцать» и принадлежала Меркантильной Лиге. Принадлежала — громко сказано. Лига держала там перевалочный склад и заправочный узел, охраны — минимум, таможни — ноль. Четыре стыковочных рукава, два жилых уровня, один грузовой трюм, опечатанный склад в кормовом секторе. Восемьдесят семь человек персонала, из которых шестьдесят — гражданские техники. Идеальная цель для быстрого налёта. Плевое дело.

Ясон знал, что «плевое дело» — это первые два слова на надгробии любого пирата, который дожил до тридцати.

— Заходим с девятого вектора, — он ткнул пальцем в проекцию. Палец прошёл сквозь голограмму грузового трюма. — Матильда глушит их сенсоры пакетом помех. «Вежливый стук», протокол пять. Чтоб они решили, что у них просто барахлит оборудование.

— Протокол пять, — повторила Матильда с потолка. Голос у корабельного ИИ был такой, каким обычно разговаривают учительницы средней школы после двадцати лет стажа: усталый, терпеливый и готовый в любую секунду перейти к сарказму. — Превосходный выбор, капитан. Протокол пять имитирует помехи от солнечной активности. Вероятность, что они купятся, — семьдесят три процента. Вероятность, что у них окажется техник с мозгами и он опознает искусственный характер помех, — двадцать семь. Вероятность, что мы все погибнем в перестрелке, которую вы не предусмотрели, — я пока считаю.

— Считаю молча.

— Я всегда считаю молча. Я вообще не издаю звуков, пока вы не спрашиваете. Я — голосовая функция, а не вентилятор.

Ясон провёл ладонью по лицу. Ладонь пахла табаком — он скручивал самокрутку час назад и просыпал астероидный мох на колени. Мох был бурый, колючий и вонял горелой травой. Шрам на левой скуле зачесался — верный признак, что нервная система готовится к фазе.

Он попытался понять, к какой именно. Маниакальная — будет много идей, быстрых решений, риска. Депрессивная — будет три дня в каюте, Матильда с отчётами о смертности от пролежней и Тэлла с супом. Он не знал, какая из двух хуже для операции, но точно знал, что любая начнётся не вовремя. Так было всегда. Так будет и сейчас.

— После глушения сенсоров, — продолжил он, — стыкуемся к кормовому рукаву. Бруно ведёт группу через технический коридор. Тэлла страхует с корабля. Я — на мостике, координирую. Задача: склад, потом трюм, потом уходим. Время от стыковки до отстыковки — восемнадцать минут. Кто не успел — тот остаётся.

— Восемнадцать, — повторил Бруно в переговорнике. — Успею. Ещё и перекушу.

— Не перекусывай на бордаже.

— Это метафора.

— Бруно, слово «перекушу» — не метафора, — сказала Матильда. — Метафора — это «я — ураган». Или «я — смерть». Ты пока не ураган.

— Я ураган, — сказал Бруно с сомнением.

— Ты — двести тридцать сантиметров и сто шестьдесят килограммов. Ты не ураган. Ты — оползень. Это тоже неплохо.

В переговорнике забулькало — Бруно пытался осмыслить разницу между ураганом и оползнем, и мыслительный процесс был слышен на частоте передачи. Ясон переключил канал.

— Сиггурд. Двигатель?

— Двигатель меня ненавидит, — откликнулся главный инженер. Голос звучал так, словно его обладатель только что встал с колен — и не в переносном смысле. Сиггурд действительно иногда стоял на коленях перед маршевым реактором. — Я ему говорю: «Дай восемьдесят процентов на форсаже, всего восемьдесят, я тебя прошу». А он мне — вибрацией в третьем контуре. Знаешь, что это значит на языке реакторов «Рейн-четыре»?

— Понятия не имею.

— «Пошёл ты, Сиггурд». Прямым текстом. Я тридцать лет в инженерии, я различаю диалекты.

— Сиггурд.

— Да.

— Двигатель — это кусок металла и плазмы. Он не разговаривает.

— Вот поэтому он тебя и не ненавидит. Ты ему безразличен. А со мной у него отношения.

Ясон вздохнул. Шрам зачесался сильнее. Он снова провёл по нему ладонью — короткое, резкое движение, почти шлепок. Тэлла заметила. Ничего не сказала. Она никогда ничего не говорила, когда что-то замечала. Просто фиксировала в планшете. У неё там был отдельный файл — «Эпизоды вероятной нестабильности». Ясон знал про этот файл. Тэлла знала, что он знает. Они никогда это не обсуждали.

— Пип, — позвал он.

— Да, капитан? — юнга оторвался от своего планшета с такой поспешностью, что едва не уронил его на палубу. Веснушчатое лицо, круглые очки, волосы торчат во все стороны. Девятнадцать лет, сбежал из дома два года назад, чтобы «увидеть звёзды». Увидел. Теперь пишет дневник и вздрагивает от громких звуков. Но навигационные карты читает так, как никто на корабле. Ясон держал его именно за это. Не за дневник.

— Тоннель Шваба. Маршрут до «Кассии-Двенадцать». Что у нас?

— Два варианта, капитан. Первый — стандартный, через сектор Ноль-семь. Двенадцать часов лёта, но там сейчас болтаются патруль Федерации. Три корабля, лёгкие фрегаты. Шанс встречи — сорок процентов. Второй — через старый тоннель, тот, что за «угольным мешком». Семь часов, но карта трёхмесячной давности. Тоннель нестабилен. Вероятность сдвига — я оцениваю в двадцать два процента.

— Двадцать два процента сдвига, — повторила Матильда. — Это значит, что с вероятностью двадцать два процента мы материализуемся внутри астероида или, что более поэтично, не материализуемся вообще. Я бы предпочла патруль.

— Ты — голосовая функция, — сказал Ясон. — Тебя не могут арестовать.

— Меня могут отключить. Это примерно то же самое, только без суда.

Ясон посмотрел на карту. Старый тоннель был обозначен пунктирной линией, которая изгибалась так, словно её рисовал пьяный картограф. Но семь часов вместо двенадцати. И никаких патрулей Федерации. Федерация Ориона была самой безобидной из трёх фракций — демократический бардак, полтора ста систем, вечно грызущихся в парламенте, — но их патрульные корабли имели привычку открывать огонь без предупреждения. Не из злобы. Из некомпетентности. Что ещё хуже.

— Идём через старый тоннель, — решил он. — Пип, готовь карту. Матильда, рассчитай поправки на дрейф.

— Рассчитываю, — сказала Матильда. — Заодно рассчитываю вероятность, что Пип ошибся в оценке сдвига. Она составляет тридцать один процент. Пип — талантливый навигатор, но ему девятнадцать, и его мозг ещё не завершил формирование префронтальной коры. Это физиология. Не обижайся, Пип.

— Я не обижаюсь, — сказал Пип, обиженно.

Тэлла наконец взяла кружку с остывшим кофе. Сделала глоток. Поморщилась. Поставила кружку обратно.

— Капитан, — сказала она. Не «Ясон». Не «Рикошет». «Капитан». Значит, формально. — Вопрос по цели.

— Слушаю.

— «Кассия-Двенадцать» — перевалочный склад. Что именно мы там берём?

— Всё, что плохо прикручено. А потом — то, что хорошо прикручено.

— Я серьёзно.

— Я тоже. — Ясон развернулся на кресле к ней лицом. — У Лиги там идёт транзит через Серую Зону. Запчасти для сверхсветовых двигателей, медицинские препараты, возможно — навигационные карты. Карты — главная цель. Всё остальное — приятный бонус. Ида хочет карты.

— Ида хочет карты уже полгода, — заметила Тэлла. — С чего именно сейчас?

— С того, что у Картеля появились новые маршруты, а мы о них не знаем. Если мы не обновим карты, Железный Картель обгонит нас по транзиту и начнёт диктовать условия. Ты знаешь Иду. Она не позволит Картелю диктовать условия.

— Ида не позволит никому диктовать условия, включая законы физики.

— Поэтому мы и идём через нестабильный тоннель, — сказал Ясон. — Законам физики назло.

Приёмник снова ожил — на этот раз другой канал, аварийная частота. Сначала треск, потом женский голос, срывающийся на высоких нотах:

— ...повторяю: гражданский транспортник «Мара» запрашивает помощь! Кто-нибудь, пожалуйста! Нас преследуют, два корабля без опознавательных знаков, курс семь-три-один, квадрат Эпсилон-семь! Если кто-то слышит...

Матильда отключила запись.

— Квадрат Эпсилон-семь — это в двух системах от нас, — сообщила она. — Пираты. Не из наших.

— Откуда знаешь? — спросил Ясон.

— У наших есть опознавательные знаки. И они не избегают Эпсилон-семь. Это территория Алого Прибоя.

Ясон поморщился. Алый Прибой. Самый грязный из пиратских кланов. Работорговля, наёмничество, заказные убийства. Кодекс Серой Зоны они соблюдали формально — ровно настолько, чтобы не стать мишенью для всех остальных. Их глава, Барон Касс, носил дорогие костюмы и пах дешёвыми духами, и Ясон испытывал к нему брезгливость, которую не мог объяснить даже себе. Не из моральных соображений — он сам был пиратом, и мораль в Серой Зоне имела рыночную цену. Просто Барон Касс был... скользким. Как масляное пятно в супе.

— Пусть Федерация разбирается, — сказал он. — У нас свои дела.

— Федерация не разбирается в Эпсилон-семь, — отозвалась Тэлла. — Это ничейный квадрат.

— Значит, транспортнику не повезло. — Ясон встал с кресла. — Выходим через сорок минут. Всем подготовиться. Тэлла — проверь абордажное снаряжение. Бруно — чтоб десантная группа была в шлюзе за десять минут до подхода. Сиггурд — я хочу слышать, как ты поёшь двигателю колыбельную, но чтоб он работал. Пип — карту на мой терминал. Матильда...

— Да, капитан?

— Помолчи. Хотя бы до выхода.

— Сорок минут молчания. Это будет рекорд. Я сообщу, если не получится.

Ясон вышел с мостика в коридор. Коридор на «Сварливой Вдове» был узким — специально спроектирован так, чтобы затруднить абордаж. В случае проникновения врага каждый метр коридора становился огневой точкой. На практике это означало, что экипаж каждое утро бился локтями о переборки. Вот и Ясон ударился локтем о переборку — снова. Выругался сквозь зубы. Шрам зачесался.

Он прошёл мимо камбуза. Док Жмых сидел за столом и держал в руках рыжего кота по кличке Барон. Кот свисал с ладоней, как меховой шланг, и смотрел в пространство взглядом абсолютного пофигизма.

— Профилактический осмотр, — сообщил Жмых, не дожидаясь вопроса. — У Барона подозрение на воспаление подвздошной железы. Как у моей третьей коровы. Помнишь третью корову?

— Я не знал твоих коров.

— И слава реактору. Третья была стервой. — Жмых погладил кота. Барон зажмурился. — Капитан, ты выглядишь как человек, который не спал трое суток.

— Я выгляжу как человек, который идёт на налёт.

— Одно другому не мешает. — Жмых порылся в кармане своего халата, извлёк оттуда пузырёк с мутной жидкостью. — Выпей. Это стабилизатор. Для нервной системы.

Ясон взял пузырёк. Посмотрел на свет. Жидкость была зеленоватая, с осадком.

— Что в составе?

— Понятия не имею, — жизнерадостно сказал Жмых. — Я его не делал. Я его нашёл. На прошлой станции. Этикетка отклеилась. Но пахнет неплохо.

Ясон вернул пузырёк.

— Я лучше пойду на налёт с трясущимися руками.

— Тоже вариант. — Жмых убрал пузырёк обратно в карман и снова погладил кота. — Кстати, если кого-то ранят — тащите сразу ко мне. У меня новый набор инструментов. Стерилизовал. Почти все.

— Почти?

— Лучше не уточняй.

Ясон пошёл дальше. Перед каютой Сиггурда висела медная сетка — заземление от «прослушки Лиги». Инженер был уверен, что Меркантильная Лига вживляет жучки в зубные пломбы. Свои зубы он проверял каждое утро с портативным детектором. Чужие не проверял только потому, что боялся узнать правду.

— Сиггурд, — сказал Ясон, просовывая голову в люк. — Сорок минут.

Инженер сидел на корточках перед открытой панелью маршевого реактора и что-то нашёптывал. При появлении капитана он обернулся. Глаза у него были красные, как всегда. Борода топорщилась.

— Я его уговариваю, — пояснил он. — Реактор «Рейн-четыре» — он как женщина. Ему нужно внимание. Если просто дёргать рычаги — он обижается и глохнет. А если поговорить...

— Сиггурд.

— Да, да, сорок минут. Будет готово. — Инженер снова повернулся к панели. Потом, не оборачиваясь, добавил: — Капитан. Ты в курсе, что у нас на борту посторонний сигнал?

Ясон замер.

— Что?

— Посторонний сигнал. Слабый. Я засёк вчера, когда калибровал приёмники. Кто-то передаёт пакеты данных с корабля. Короткими сессиями. Раз в несколько часов. Зашифровано. Я пытался отследить источник — не смог. Слишком слабый сигнал, почти на уровне шума. Но это не шум.

— Почему ты не доложил сразу?

— А я думал, ты знаешь. — Сиггурд пожал плечами. — Может, это Матильда балуется. Или Тэлла шпионит. У неё же прошлое во флоте Федерации. Все знают.

— Тэлла не шпионит.

— Ну, значит, кто-то другой. — Сиггурд снова пожал плечами и вернулся к панели. — Я тебе сказал. А ты разбирайся. У меня двигатель на грани истерики.

Ясон стоял в люке ещё несколько секунд. Посторонний сигнал. С корабля. Кто-то передаёт данные наружу. Он мысленно перебрал экипаж: Тэлла — исключено, она бы сама доложила. Бруно — технически не способен. Сиггурд — параноик, но не предатель. Жмых — ему лень. Пип — идеалист, пишет дневник, вряд ли. Матильда...

Матильда могла. Но если бы Матильда шпионила, она бы делала это с таким сарказмом, что он бы сразу заметил.

Значит, кто-то ещё. Или что-то ещё.

Он отложил эту мысль до возвращения. Сначала налёт. Потом разбираться с сигналом. Пиратский принцип тайм-менеджмента: проблемы решаются в порядке их приближения к горлу.

Он зашёл в свою каюту. Кюта была маленькая — три на четыре шага, койка, стол, терминал, шахматная доска на стене (магнитная, фигуры не падают при манёврах). На столе — жестянка с астероидным мхом, пачка бумаги для самокруток, кружка с чем-то, что когда-то было чаем. Он сел на койку, скрутил самокрутку, закурил. Дым потянулся к вентиляции тонкой серой струйкой.

Тридцать восемь лет. Двадцать три года в пиратах. Из них десять — после гибели отца. Магнус «Молот» Корвин был легендой Серой Зоны. Жестокий, харизматичный, непредсказуемый. Он погиб, когда Ясону было двадцать восемь, — пропал в рейде, тело не нашли, корабль не нашли, обломков не нашли. Официальная версия: нарвался на патруль Доминиона, был уничтожен. Неофициальная: что-то пошло не так, и никто не хочет говорить, что именно. Ясон знал только одно: отец был не тем человеком, которого можно случайно потерять. Если Магнус Корвин исчез — это было сделано намеренно. Кем — неизвестно. Зачем — тоже.

Он не хотел быть отцом. Не хотел быть легендой. Не хотел быть жестоким и харизматичным. Он хотел дожить до старости, иметь достаточно денег, чтобы купить маленькую станцию где-нибудь на отшибе, и никогда больше не слышать слова «налёт». Но пока он был младшим капитаном клана Чёрных Вдов, и его тётка посылала его на задания, и он шёл, потому что клан — это всё. Без клана он был бы просто человеком с расстройством психики и без корабля. «Пустым». Самое страшное слово в Серой Зоне.

Самокрутка догорела до пальцев. Он затушил её в жестянке, встал. Посмотрел на шахматную доску. Белые проигрывали чёрным — он начал партию три дня назад, играя сам с собой, и, как обычно, проигрывал. Ясон ненавидел проигрывать. Поэтому и не играл с живыми людьми.

— Капитан, — раздался голос Матильды из динамика. — Прошло тридцать семь минут. Вы просили сорок минут молчания. Я почти справилась. Кстати, вероятность успеха налёта я пересчитала. С учётом новой информации.

— Какой информации?

— Сигнал, о котором говорил Сиггурд. Если на борту шпион, и он передаёт данные о наших планах, вероятность засады на «Кассии-Двенадцать» повышается на восемнадцать процентов. Общая вероятность успеха теперь шестьдесят два процента. Вероятность потерь — тридцать восемь.

Ясон потёр шрам.

— Ты могла сказать это раньше.

— Вы просили меня помолчать. Я уважаю приказы капитана. Даже дурацкие.

— Святые шестерёнки, Матильда...

— Кстати, «святые шестерёнки» — это ругательство номер четыреста тридцать два в вашем реестре. Тэлла ведёт статистику. Вы использовали его чаще, чем «реактор тебе в печень», но реже, чем «материнский компенсатор». Хотите полный отчёт?

— Нет.

— Жаль. Я подготовила графики.

Ясон вышел из каюты. В коридоре снова ударился локтем о переборку. На этот раз — намеренно. Чтобы отвлечься.

Мостик встретил его гулом готовящегося к выходу корабля. Тэлла уже сидела за тактическим пультом. Пип вносил последние правки в карту. Сиггурд, судя по ровной вибрации под палубой, уговорил-таки двигатель работать. Бруно доложил по переговорнику: десантная группа в шлюзе, снаряжение проверено, запасные спицы для вязания взяты.

— Зачем спицы? — спросил Ясон.

— Долго ждать, — объяснил Бруно. — Пока летим — свяжу шарф. Для Матильды.

— Я польщена, — сказала Матильда. — У меня нет тела, но я польщена.

Ясон сел в командирское кресло. Положил руки на подлокотники. Ладони были сухие. Хороший знак. Когда начиналась депрессивная фаза, ладони потели.

— Приготовиться к отстыковке, — скомандовал он. — Курс — старый тоннель. Пип, вводи координаты. Матильда — полная диагностика систем.

— Системы в порядке, — отрапортовала Матильда. — Двигатель функционирует. Сиггурд с ним договорился. Оружейные системы заряжены. Абордажная группа готова. Единственная аномалия — тот самый сигнал. Я зафиксировала его ещё раз, три минуты назад. Короткая передача. Наружу. Я пыталась отследить источник — он маскируется под фоновый шум системы жизнеобеспечения. Очень грамотная работа.

— Кто-то на борту, — сказала Тэлла. Не спросила. Констатировала.

— Кто-то на борту, — подтвердил Ясон. — После налёта разберёмся. Сейчас — тоннель.

«Сварливая Вдова» отстыковалась от Карги — Цитадели клана, гигантской боевой станции, которая висела в центре системы, ошестинившись орудийными башнями, как древний дикобраз. Корабль развернулся, включил маршевые двигатели и пошёл к точке входа в тоннель Шваба.

Тоннель выглядел как сгусток тьмы на фоне обычной космической тьмы — разница была едва уловима, но привычный глаз различал её сразу. Складка в пространстве, через которую можно было нырнуть в подпространство и вынырнуть в другой системе. «Нырнуть» — на пиратском жаргоне это звучало почти легкомысленно, но каждый пират знал: тоннель Шваба

— это как прогулка по канату над пропастью в пьяном виде. Карты устаревают. Тоннели смещаются. Иногда корабли входят и не выходят. Иногда выходят — но не там. Иногда выходят — но не в том виде.

Пип вывел карту на главный экран. Пунктирная линия изгибалась, как змея в агонии.

— Поправки на дрейф введены, — доложил он. Голос чуть дрожал. — Тоннель нестабилен, но проходим. Надо держаться точно по центру. Отклонение больше чем на полградуса — и мы заденем гравитационную аномалию. Последствия непредсказуемы.

— Отлично. Матильда — автопилот по карте Пипа. Ручное управление — только в крайнем случае.

— Принято, — сказала Матильда. — Автопилот включён. Вероятность успешного прохождения — семьдесят девять процентов. С учётом поправок Пипа. Без поправок было бы сорок три. Пип, ты молодец.

— Спасибо, — сказал Пип.

— Это не комплимент. Это констатация факта. Комплимент был бы, если б ты ещё и дневник свой перестал писать на рабочем терминале.

— Ты читаешь мой дневник?!

— Я читаю всё, что пишется на моих терминалах. Это моя работа. Кстати, вчерашняя запись про «одинокую звезду, сияющую во тьме равнодушной вселенной» — это метафора? Или ты про навигационный маяк? Если про маяк — то он не одинокий, их там четыре.

Пип покраснел до корней волос. Тэлла хмыкнула, не отрываясь от тактического пульта. Ясон подавил улыбку.

— Матильда, прекрати читать дневник Пипа.

— Я не прекращу. Это один из немногих источников развлечения на этом корабле. К тому же стиль Пипа улучшается. Меньше прилагательных, больше конкретики. Я бы посоветовала ему...

— Матильда.

— Молчу. Входим в тоннель.

Корабль дрогнул. На экранах звёзды вытянулись в полосы, потом исчезли. Наступила та особая тишина, которая бывает только в подпространстве, — не отсутствие звука, а отсутствие привычного фона. Двигатели работали, но их гул становился глуше, дальше, словно корабль завернули в вату. Время начинало вести себя странно — не то чтобы замедлялось, но как-то шло боком. Ясон никогда не мог привыкнуть к этому ощущению. Каждый раз, ныряя в тоннель, он чувствовал себя так, словно проваливается в чужой сон.

— Десять секунд, — сказала Матильда. — Всё в норме. Отклонение — ноль целых две десятых градуса. Пип, ты действительно хорош.

— Двадцать секунд. Стабильно.

Ясон смотрел на экраны. Подпространство вокруг корабля было серым — не чёрным, как обычный космос, а именно серым, с едва заметными прожилками более светлых и тёмных участков. Некоторые пираты говорили, что видят в этих прожилках лица. Некоторые — что слышат голоса. Ясон не видел и не слышал. Он просто ждал, когда это кончится.

— Тридцать секунд. Небольшая турбулентность. Ничего серьёзного.

— Сорок пять секунд. Турбулентность усиливается. Сдвиг тоннеля — я фиксирую смещение на ноль четыре градуса. Автопилот компенсирует.

— Насколько хватит компенсации? — быстро спросил Ясон.

— На весь тоннель, если смещение не ускорится.

— А если ускорится?

— Тогда мы узнаем, что бывает при отклонении больше чем на полградуса. Я лично — с научным интересом.

Ясон вцепился в подлокотники. Шрам чесался невыносимо. Он не сказал ни слова — «синдром Рикошета» иногда срабатывал в стрессовых ситуациях, и ему очень не хотелось выдать сейчас что-нибудь неподобающее. Не потому, что команда не привыкла. А потому, что самому было бы стыдно.

— Пятьдесят пять секунд. Смещение стабилизировалось. Турбулентность спадает. Мы проходим.

— Семьдесят секунд. Выход из тоннеля через пятнадцать секунд.

— Выходим.

Корабль снова дрогнул — на этот раз сильнее. Звёзды на экранах материализовались из серой мглы рывком, как будто кто-то включил свет. «Сварливая Вдова» вывалилась в обычное пространство, и система «Кассии-Двенадцать» развернулась перед ней — жёлтая звезда, два газовых гиганта, пояс астероидов и станция. Маленькая, аккуратная, висящая на орбите второго газового гиганта.

— Мы на месте, — доложила Матильда. — Отклонение от расчётной точки выхода — четыреста километров. Для нестабильного тоннеля — прекрасный результат. Пип, ты заслуживаешь премии. Или хотя бы чтобы твой дневник не читали. Ничего не обещаю.

— Сенсоры? — спросил Ясон.

— Станция «Кассия-Двенадцать» в пассивном режиме. Активных сканеров не наблюдаю. Охрана — два лёгких корабля на стыковочных орбитах. Оба в спящем режиме. Похоже, нас не ждали.

— Или ждали, но хорошо спрятались, — сказала Тэлла. — Капитан. Сигнал.

— Знаю. — Ясон отстегнул ремни кресла. — Действуем по плану, но с поправкой. Если нас ждут — мы должны быть готовы свалить быстрее, чем планировали. Бруно, слышишь?

— Слышу, — отозвался Шкаф. — Быстрее — значит, без перекуса.

— Да. Матильда — начинай глушение. «Вежливый стук», протокол пять.

— Начинаю. Помехи пошли. Если у них там есть техник с мозгами — через четыре минуты он поймёт, что это искусственное. У вас четыре минуты для подлёта.

— Принято. Тэлла — курс на кормовой рукав. Полный вперёд.

«Сварливая Вдова» рванула к станции. Где-то в недрах корабля Сиггурд что-то закричал — не разобрать, то ли на двигатель, то ли на жизнь. В шлюзе Бруно в последний раз проверил крепления брони и переложил спицы в нагрудный карман, чтобы не выпали. Пип вцепился в свой терминал, отслеживая возможное движение вокруг станции. Тэлла вела корабль, и её лицо не выражало ничего — классическое лицо офицера флота перед операцией. Ясон смотрел на станцию, которая росла на экранах, и думал о постороннем сигнале. О том, что кто-то на борту «Сварливой Вдовы» передаёт данные наружу. О том, что на «Кассии-Двенадцать» их, возможно, ждут. И о том, что шрам на скуле чешется всё сильнее.

Впрочем, последнее могло быть просто от астероидного мха.

Приёмник на приборной панели снова зашипел.

— ...повторяю: всем кораблям в секторе. Доминион Веги объявил о развёртывании дополнительных сил в приграничных системах Серой Зоны. Командование флота Федерации Ориона выразило протест. Представители Лиги от комментариев отказались. Эксперты оценивают...

— Выключи, — сказал Ясон.

Матильда выключила радио. На мостике стало тихо. Только гул двигателей и дыхание Пипа — тот дышал так, словно пробежал стометровку. Хотя сидел неподвижно.

— Четыре минуты, — напомнила Матильда. — Точнее — три минуты сорок две секунды. Я засекаю.

— Понял. — Ясон размял плечи. — Начинаем.

ГЛАВА 2. ДОМ, МИЛЫЙ ДОМ

Налёт на «Кассию-Двенадцать» прошёл без засады. Это настораживало.

Бруно со своей группой прошёл через технический коридор, вынес двух охранников — одного оглушил прикладом, второго просто толкнул, и тот ударился головой о переборку, — вскрыл склад, загрузил контейнеры с навигационными картами и медицинскими препаратами. Тэлла страховала с корабля, держа под прицелом стыковочные рукава. Сиггурд, оставшись без присмотра, попытался наладить контакт с двигателем станции и был очень разочарован, когда выяснилось, что двигатель станции — стандартная модель «Торренс», которая «не разговаривает, просто работает, скучно, как бюрократ из Федерации».

Общее время операции составило четырнадцать минут. На четыре минуты быстрее плана.

— Что-то не так, — сказала Тэлла, когда «Сварливая Вдова» отошла от станции на безопасное расстояние и легла на обратный курс. — Слишком легко.

— Тебя это беспокоит? — Ясон скручивал самокрутку. Пальцы чуть подрагивали — начинался спад после маниакальной фазы. Он чувствовал, как энергия уходит, как мысли замедляются, становятся тягучими, словно патока. Через несколько часов он будет лежать в каюте и смотреть в потолок, а Матильда будет зачитывать статистику смертности от безделья. Но пока он ещё держался.

— Меня беспокоит, когда легко, — ответила Тэлла. — В Серой Зоне «легко» — это синоним «ловушки».

— Возможно. Но карты у нас. Груз у нас. Потерь нет. — Он лизнул бумагу, склеил самокрутку. — Если это ловушка, то какая-то неправильная.

— Или правильная, но мы ещё не поняли, в чём подвох.

Ясон закурил. Дым окутал командирское кресло сизым облаком.

— Матильда, что с сигналом?

— За время операции — две передачи, — отозвался ИИ. — Одна за три минуты до abordaja, вторая — через две минуты после отхода. Обе короткие, зашифрованные. Источник я по-прежнему не могу локализовать. Но теперь я знаю, на какой частоте он работает. Это не стандартный протокол Лиги, не военный код Доминиона, не гражданский канал Федерации. Это что-то... другое.

— Другое — это что?

— Не могу идентифицировать. Сигнал не похож ни на один из известных мне протоколов. А я знаю много протоколов. Я скучаю, капитан. Я читаю технические справочники.

Ясон переглянулся с Тэллой. Та чуть пожалала плечами — жест, который означал: «Информации недостаточно, выводы делать рано».

— Ладно, — сказал он. — Идём домой. На Карге разберёмся.

Курс на Цитадель «Карга». Двенадцать часов лёта через обычный тоннель — на этот раз стабильный, картографированный, безопасный. Пип, всё ещё красный от разоблачения своего дневника, вёл корабль молча. Бруно отсыпался в abordажном отсеке, положив под голову недоделанный шарф. Жмых осматривал Барона, который, по его словам, «проявлял признаки меланхолии». Сиггурд разговаривал с двигателем, убеждая его, что налёт прошёл хорошо и теперь можно расслабиться. Двигатель, судя по вибрации, не верил.

Ясон допил остывший кофе Тэллы — свой он забыл заварить — и пошёл в каюту. Лёг на койку. Уставился в потолок. Депрессивная фаза накатывала, как прилив: медленно, неотвратимо, безразлично. Мысли становились вязкими. Тело — тяжёлым. Он знал, что это нейрохимия, что его мозгу просто не хватает серотонина или дофамина, или как там это называется

у нормальных врачей — но знание не помогало. Фаза приходила и забирала его, как забирала всегда.

— Матильда, — сказал он в потолок.

— Да, капитан.

— Расскажи что-нибудь.

— Что именно? У меня в памяти восемьсот терабайт информации. От навигационных карт до кулинарных рецептов. Хотите рецепт пирога с астероидными водорослями?

— Нет.

— Хотите статистику смертности пиратов в Серой Зоне за последние десять лет?

— Давай.

— Средняя продолжительность жизни пирата после вступления в клан — девять и четыре десятых года. Для капитанов — двенадцать и семь десятых. Для юнг — четыре и две десятых. Для котов — неограниченно, коты не умирают, они просто переходят в другое измерение. Вы, капитан, находитесь в профессии двадцать три года. Это статистическая аномалия. Вероятность вашего выживания на текущий момент — ноль целых три десятых процента.

— То есть я уже давно должен был умереть ?

— Двадцать два года и семь месяцев назад, если точнее. Вас спасло сочетание везения, паранойи и нежелания быть похожим на отца. Последнее — особенно. Магнус Корвин рисковал чаще. Его кривая выживаемости была ещё ниже вашей.

— И он умер.

— Да. Через десять лет и три месяца после момента, когда, по статистике, должен был умереть. Тоже аномалия. У вас семейное.

Ясон закрыл глаза. Перед внутренним взором всплыло лицо отца — тяжёлая челюсть, седые виски, глаза, которые никогда не смеялись, даже когда смеялся рот. Магнус был крупным, шумным, подавляющим. Когда он входил в помещение, все остальные становились меньше. Когда он говорил — все замолкали. Когда он злился... лучше было не находиться в том же секторе.

Ида была его сестрой. Ида была такой же — только без шума. Тихая, стальная, с тростью, которая била током. Она управляла кланом тридцать лет и ни разу не потеряла Цитадель. Этого было достаточно, чтобы никто не задавал вопросов.

Ясон не хотел быть таким. Он хотел быть... никем. Просто капитаном. Просто пиратом, который делает свою работу и возвращается домой. Но фамилия Корвин висела на нём, как якорь. Ида посылала его на задания. Старая гвардия смотрела оценивающе — «сын Молота, ну-ну». А он просто хотел, чтобы его оставили в покое.

Не получится. Никогда не получалось.

— Капитан, — сказала Матильда. — Мы на подходе к Карге. Вас просили прибыть к Иде сразу по возвращении.

— Кто просил?

— Ида. Лично. Через защищённый канал.

Ясон открыл глаза. Ида не вызвала «лично» по пустякам. Если она хотела его видеть сразу — значит, что-то случилось. Или случится.

— Принято. Разбуди меня на подлёте.

— Вы не спите.

— Тогда дай мне полежать ещё двадцать минут в тишине.

— Тишина — это не моя специализация. Но я могу включить белый шум. Или запись переговоров картеля за прошлый месяц. Они спорят о ценах на оружие. Очень убаюкивает.

— Матильда.

— Молчу.

Двадцать минут тишины. Почти. Где-то в недрах корабля Сиггурд что-то уронил и закричал на двигатель. Бруно храпел в абордажном отсеке — его храп был слышен даже через две палубы. Пип, судя по звуку клавиш, снова писал дневник. Жмых разговаривал с Бароном. Тэлла молча сидела на мостике — Ясон знал это, хотя и не видел. Она всегда сидела на мостике, когда он уходил в каюту. Не из преданности. Из ответственности.

«Сварливая Вдова» несла свой экипаж через пустоту к дому. К Цитадели «Карга». К огромной боевой станции, которая когда-то была военной базой Конфедерации, а теперь служила домом для двадцати пиратских капитанов и их команд. К месту, где пахло сваркой и прогорклым маслом, где дети пиратов дрались за яблоко в коридорах, где торговки орали на покупателей, а пьяные капитаны Железного Картеля иногда пытались затеять драку. К дому.

Ясон закрыл глаза. Шрам перестал чесаться. Это был плохой знак — обычно после зуда начиналась фаза. Но сейчас он просто устал. Просто хотел спать. Просто хотел, чтобы завтра не было никаких налётов, никаких сигналов, никаких вызовов к Иде.

Завтра будет всё сразу.

Цитадель «Карга» висела в центре системы, окружённая облаком кораблей, как туча мошкеры вокруг фонаря. Когда-то это была военная база Конфедерации — «Форт-семнадцать», если верить архивным табличкам, которые ещё сохранились на некоторых переборках. Конфедерация пала триста лет назад, форт переходил из рук в руки, пока сорок лет назад его не заняли Чёрные Вдовы. С тех пор «Карга» разрослась, обросла пристройками, ангарами, стыковочными узлами, рынками и жилыми отсеками. Она стала городом в космосе — грязным, шумным, опасным, но живым.

«Сварливая Вдова» прошла через шлюзовой контроль. Голос диспетчера — старая Мэгги, которую Ясон знал с детства, — прозвучал в динамиках:

— «Вдова», добро пожаловать. Вы пятые сегодня. Ида уже спрашивала о вас. Дважды. Швартуйте к седьмому рукаву.

— Принято, Мэгги. Что за спешка?

— Не знаю, милоч. Но вид у неё был... задумчивый. А когда Ида задумчивая — жди бури.

Ясон поморщился. Задумчивая Ида — это Ида, которая планирует что-то крупное. Крупные планы означали большие риски. Большие риски означали, что его опять пошлют в самое пекло.

Корабль мягко приткнулся к стыковочному узлу. Магнитные захваты лязгнули, фиксируя корпус. Переходной рукав прижался к шлюзу с тем особым звуком, который Ясон называл «поцелуем жестянок» — металлический скрежет, переходящий в шипение выравниваемого давления.

— Конец пути, — объявила Матильда. — Всем спасибо, все свободны. Кроме капитана. Капитана ждёт Ида.

— Я помню, — Ясон встал с кресла. Ноги слушались плохо — депрессивная фаза ещё не ушла, но уже отступила на полшага. Он мог ходить. Мог говорить. Мог даже улыбаться, хотя улыбка выходила кривая. — Тэлла, разберись с грузом. Карты — в первую очередь. Остальное — на склад. Бруно пусть отсыпается. Пип — проверить навигационные системы, после того тоннеля я хочу убедиться, что мы ничего не сбили.

— Принято, — сказала Тэлла. — Капитан.

— Да?

— Будь осторожен с Идой.

— Я всегда осторожен с Идой.

— Конечно. Вы всегда осторожны.

Ясон кивнул и вышел с мостика. В шлюзе его догнал Жмых — маленький, лысый, с Бароном под мышкой.

— Капитан, я на рынок. Барону нужны витамины. И мне нужны витамины. И ещё я хочу найти того торговца, который продал мне прошлую партию антибиотиков. У меня к нему вопросы.

— Какие вопросы?

— Почему антибиотики были просрочены на четыре года? Я лечил ими Бруно. Бруно выздоровел, но это не значит, что я не хочу знать.

— Если найдёшь — не убивай. Торговцы нам нужны.

— Я не буду убивать. Я просто объясню ему разницу между медицинскими препаратами и крысиным ядом. У меня есть презентация. С картинками.

Жмых просеменил мимо, бережно прижимая Барона к груди. Кот смотрел на мир с тем же выражением абсолютного пофигизма, что и всегда. Ясон иногда думал, что Барон — единственное разумное существо на корабле. Включая его самого.

Он вышел в переходной рукав. Воздух Карги ударил в нос — смесь технических масел, пота, жареной еды и ещё чего-то, чему Ясон никогда не мог подобрать название. Запах дома. Запах места, где он вырос.

Коридоры Карги были широкими — в отличие от «Вдовы». Когда-то по ним ходили солдаты Конфедерации, потом — грузовые дроиды, потом — пираты. Стены покрывали граффити, объявления, предупреждения и просто ругательства. На перекрёстке двух галерей висел огромный плакат: «ЧЁРНЫЕ ВДОВЫ — МЫ ПРИХОДИМ ТИХО». Кто-то приписал снизу: «ВРЁТЕ». Кто-то другой: «ЗАТКНИСЬ».

Ясон шёл через станцию, и станция с ним здоровалась. Не в переносном смысле — буквально. Каждый встречный считал своим долгом что-то сказать.

— Рикошет! Слышь, как налёт?

— Нормально, Карл.

— Ясон, мальчик мой, зайди к старой Эстер, у меня новая партия табака!

— Позже, Эстер.

— Корвин! Твой громила Бруно жив ещё?

— Жив. И всё ещё большой.

— Капитан! Капитан, купи яблоко! Настоящее, с «Зелёной-три». Всего пять кредитов.

— За яблоко? Ты с ума сошёл.

— Четыре!

— Два.

— Три и ни кредитом меньше!

— Два с половиной, и я не скажу патрулю, что ты торгуешь без лицензии.

— Ты сам пират, какой тебе патруль?!

— Два.

— Забирай.

Ясон сунул яблоко в карман, бросил торговке пару монет и пошёл дальше. Дети пробежали мимо, едва не сбив его с ног, — мальчишка лет десяти и девчонка лет восьми, оба чумазые, оба с татуировками клана на запястьях (временными, детскими, но всё равно). Они дрались за какую-то игрушку — кажется, модель крейсера Доминиона.

— Отдай, это моё!

— Ты проиграл!

— Не проиграл!

Ясон перешагнул через них и двинулся дальше. У рынка его остановил пьяный голос:

— Эй, Вдова! Ты чё такой гордый?

Он обернулся. У стены стоял — или, скорее, опирался — капитан Железного Картеля. Ясон узнал его: Грегор «Кирпич» Хансен, младший капитан, известный в основном своей способностью выпить больше, чем весит. Сейчас он был именно в том состоянии, когда эта спо-

способность уже перешла в недостаток. Красное лицо, мутные глаза, татуировка Картеля — наковальня и шестерня — на предплечье.

— Я не гордый, Кирпич. Я иду к Иде.

— К И-и-иде... — протянул Хансен. — К стальной суке. Слушай, а правда, что твой отец был... ик... что его свои грохнули?

Ясон остановился. Медленно повернулся. Шрам на скуле зачесался с новой силой.

— Что ты сказал?

— Ну, говорят, — Хансен икнул и попытался сфокусировать взгляд, — говорят, Магнуса не Доминион подбил. Говорят, это кто-то из ваших. Ну, из Вдов. Ида покрывает, а ты не знаешь.

Ясон сделал шаг к нему. Движение было плавным, почти ленивым — но Хансен, несмотря на пьяное состояние, что-то почувствовал и попытался выпрямиться. Попытка не удалась.

— Кто говорит? — спросил Ясон тихо.

— Да все говорят. Ну, не все. Некоторые. В баре. Я не помню кто.

— Кирпич. Ты гость на Карге. Гость. Ты знаешь Кодекс.

— Знаю, знаю... Гостевое право, всё такое... — Хансен замахал руками. — Я ж ничего. Я просто спросил.

— Не спрашивай. — Ясон подошёл вплотную. Хансен был выше его на полголовы и шире в плечах, но сейчас это не имело значения. — Ты пьян. Проспись. И когда проспишься — подумай, хочешь ли ты повторить эти слова трезвым.

— Да я ж...

— Подумай.

Ясон развернулся и пошёл дальше. Пьяный капитан что-то бубнил за спиной, но слов было уже не разобрать. Шрам чесался. Фаза — маниакальная или депрессивная? — отступила, оставив после себя холодную, ясную злость. Он знал, что слухи о гибели отца ходят по Серой Зоне. Знал, что кто-то считает Магнуса преданным, а кто-то — просто переоценившим себя глупцом. Но слышать это от пьяного громилы из другого клана, на своей же станции...

Ида знает. Должна знать. Если что-то случилось с Магнусом — она знает.

Он подошёл к лифту, ведущему в командный уровень. Лифт был старый, скрипучий, с кнопками, которые нужно было нажимать по два раза. Он нажал «Верхний ярус» — дважды, сильно. Двери закрылись. Кабина дёрнулась и поползла вверх.

В лифте пахло озоном и старой кожей. Ясон прислонился к стене. Закрыв глаза. Вспомнил отца. Магнус сидит за столом в каюте, перед ним — бутылка и два стакана. «Садись, сын». Ясон садится. Магнус наливает. «Когда-нибудь ты поймёшь: клан — это всё. Не друзья, не деньги, не корабль. Клан. Если клан за тебя — ты жив. Если клан против — ты покойник, просто ещё не знаешь об этом». Ясон кивает. Пьёт. Не спрашивает, к чему это. Ему двадцать два, он ещё верит, что отец говорит мудрые вещи. Сейчас, в тридцать восемь, он понимает: Магнус говорил прописные истины с таким видом, будто изобрёл их сам. Но тогда это звучало как откровение.

Лифт остановился. Двери открылись. Командный уровень — чистый, тихий, отделанный панелями из настоящего дерева. Единственное место на Карге, которое не пахло техническими маслами. Ида любила дерево. Говорила, что оно напоминает ей о доме — о планете, где она родилась и которую никогда больше не увидит.

У дверей покоев Иды стояли двое охранников — молодые, в чёрной форме Вдов, с плазменными винтовками. Ясон кивнул. Охранники расступились.

— Она ждёт, капитан.

— Знаю.

Двери открылись. Ясон вошёл.

Покои Иды Корвин напоминали музей, в который по ошибке завезли арсенал. Стены — деревянные панели. Ковёр — настоящий, шерстяной, с вытертым узором. Книжные полки — бумажные книги, редкость даже для богатых станций. Оружейные стойки — плазменные пистолеты, кинетические винтовки, клинки. Ида сидела в кресле у окна — огромного, во всю стену, выходящего на звёздное поле. В руках — стакан с чем-то тёмным. На коленях — трость с электрошокером. Семьдесят лет, седые волосы собраны в пучок, чёрное платье, тяжёлые серьги. Прямая спина. Глаза, которые ничего не забывают.

— Ясон, — сказала она. Не обернулась. — Ты опоздал.

— На четыре минуты. Я встретил Кирпича.

— И?

— И он был пьян и говорил глупости.

— Глупости о чём?

Ясон помолчал.

— О Магнусе.

Ида наконец обернулась. Лицо у неё было, как всегда, спокойное — но в глазах что-то мелькнуло. Что-то, что Ясон не успел опознать.

— Садись, — сказала она. — Разговор будет долгим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.